

Внимание! Нижеследующий текст представляет собой выдержку из книги И. А. Алимова «Лес записей: китайские авторские сборники X—XIII в. в очерках и переводах», в нем отсутствуют полные библиографические отсылки и справки о лицах и предметах, которые в полном корпусе книги были даны ранее.

Данная *бета-версия текста* предоставляется читателю на его страх и риск и *исключительно в ознакомительных целях* и не является объектом цитирования или какого-то другого существенного использования в любых (кроме ознакомительных) целях.

Автор будет рад любым конструктивным замечаниям, которые всегда можно сделать по адресу alimov@pvost.org.

© И. А. Алимов, предисловие, перевод, примечания, 2009.

***

Оуян Сю. ШИХУА ОТШЕЛЬНИКА ЛЮ-И

***

Традиционные жанры литератур стран Дальнего Востока, и в частности Китая, пока еще изучены недостаточно и о многих из них в научных работах сказано слишком мало. К числу таких малоизученных предметов относится и жанр *шихуа*.

Шихуа многое сближает с бицзи — эти произведения также состоят из разрозненных, но внутренне вполне законченных фрагментов, подобранных автором исходя из своих личных пристрастий или же из задач конкретного шихуа в целом (если такие задачи автор перед собой ставил); шихуа полностью посвящены поэзии и в этом смысле тематически очерчены более четко, нежели бицзи — их можно назвать бицзи о поэзии; кроме того, в составе некоторых бицзи содержатся свои внутренние, маленькие шихуа, а иногда даже несколько¹. Все это дает нам право рассматривать подобные произведения практически в одном ряду со сборниками бицзи, и именно поэтому разговор об одном таком произведении пойдет ниже.

Термин «шихуа» в своем составе содержит два слога: *ши* 詩 («классические стихи») и *хуа* 話, смысл которого современный китайский исследователь Чжоу Чжэнь-фу 周振甫 справедливо объясняет через слово «гуши» 故事, т. е. истории, записи о некоем происшествии, анекдот². Весь термин следует переводить как «рассуждения о стихах» (такой перевод предлагает Е. А. Серебряков³, и именно этим термином я буду пользоваться в дальнейшем).

Истоки шихуа (как и бицзи) следует в первую очередь искать в китайской сюжетной прозе *сяошо* 小說, восходящей к жизнеописаниям в династийных историях; уже в ранних сборниках сяошо встречается достаточное число рассказов, посвященных поэтам, поэзии и даже отдельным стихотворениям. Например, в широко известном сборнике Лю И-цина (劉義慶 403—444) «Ши шо синь юй» (世說新語 «"Повествования о нынешнем веке" в новых словах») есть несколько рассказов такого рода, в том числе «Цзо Сы сочиняет "Оду трем столицам"» или «Юй Чан сочиняет "Оду славной столице"»⁴, описывающих показавшиеся Лю И-цину примечательными случаи, связанные с этими одами. В сюжетной прозе более позднего времени эпизодов, даже целых рассказов, связанных с историей создания стихов или же с толкованием популярных стихотворных строчек, значительно больше — так, известная танская новелла *чуаньци* 傳奇 «Записки о путешествиях в Чжоу и Цзинь» Ню Сэн-жу (牛僧孺 779—847) повествует о том, как автор слагал стихи с небожителями⁵; а сунская чуаньци «Записки о красном листе» Чжан Ши (張實 XI в.) может рассматриваться как своеобразный комментарий к нескольким стихотворениям того времени — собственно, стихи становятся не-

¹ Например, в сборнике Лю Фу «Цин со гао и» таких шихуа два: «Рассуждения о стихах знаменитых господ» (с. 000—000 настоящего тома) и другое, без «родовых иероглифов» в названии (*Лю Фу*. Цин со гао и. С. 87—94). Вообще в бицзи поэтический материал привлекается достаточно часто, см., например, ниже, у Шэнь Ко, с. 000—000.

² Чжунго лидай шихуа сюань. Т. 1. Предисловие. Там же Чжоу Чжэнь-фу пишет и о том, что употребление слова «хуа» в смысле «гуши» (истории) существовало уже при династии Тан (618—907).

³ Серебряков Е. А. Китайская поэзия. С. 213. Однако следует признать и право на существование перевода Джеймса Т. Лю — «talks on poets, poems and poetry», развернутость которого ученый объясняет тем, что в этом жанре объединены самые разные вещи, от анекдотов о поэтах, связанных со стихами происшествий и до элементов литературной критики (*Liu J. T. Ouyang Hsiu*. V. 2. P. 812). Не правда ли, очень похоже на сборники бицзи?

⁴ В выполненном В. Сухоруковым русском переводе эти рассказы см.: Пурпурная яшма. С. 282.

⁵ В русском переводе О. Л. Фишман эта новелла называется «Путешествие в далекое прошлое» (см.: Гуляка и волшебник. С. 206—215).

отъемлемой частью новелл чуаньци, а в новелле Нью Сэн-жу они занимают даже больше места, чем прозаический текст. Однако в сюжетной прозе сяошо речь идет, как правило, о стихах вымышленных героев или лиц, чья историческая достоверность сомнительна, а то и вовсе не подтверждается.

С другой стороны, на формирование жанра шихуа прямое влияние оказала бессюжетная проза — предисловия к различным собраниям стихотворений, поэтическим антологиям (начиная с «Ши цзина»), а также трактаты и эссе (нередко написанные стихами), посвященные выяснению места поэзии в мирозерцании человека, назначения поэзии, анализу ее форм, категорий и законов стихосложения. Одним из первых произведений такого рода принято считать «Ши пинь» (詩品 «Категории стихотворений») лянского Чжун Жуна (鐘嶸 ок. 469—518), где рассмотрены пятисловные стихи ста двадцати двух авторов со времен правления династии Хань (т. е. со II в. до н. э.) и по VI в.; стихи сгруппированы по трем категориям — соответственно таланту, влиянию на поэтов последующих поколений и популярности (разумеется, с точки зрения Чжун Жуна). Академик В. М. Алексеев так охарактеризовал это произведение: «Предшественник Сыкун Ту занимался исключительно критикою стихотворений по их достоинствам, перечисляя авторов поименно и давая их творчеству сжатые и меткие характеристики»⁶. А вот «Эр ши сы ши пинь» (二十四詩品 «Двадцать четырех категорий стихотворений») Сыкун Ту уже списков поэтов и оценок их стихов не содержит, а является скорее трактатом по теории поэтического вдохновения: название классической работы В. М. Алексеева «Китайская Поэма о Поэте», всесторонне исследовавшего это сочинение и давшего русский перевод текста, весьма точно отражает содержание этого любопытнейшего произведения, где под поэтом имеется в виду не сам Сыкун Ту, но — Поэт вообще. Кроме того, это произведение написано стихами и представляет собой скорее исповедь о тайнах вдохновения и поэтического «ремесла», чем простое собрание сведений.

Таким образом, к сунскому времени в китайской книжной традиции существовали сюжетные произведения, так или иначе затрагивающие тему поэзии, и бессюжетные, в которых обыкновенно собирались и подвергались некоему критическому анализу сведения о стихах и самих поэтах или которые представляли собой теоретические трактаты о поэтическом мастерстве. Все это и создало почву для возникновения нового жанра — шихуа⁷.

Первенство создания произведения в этом жанре принадлежит именно Оуян Сю. «Уединенно поселившись на южном берегу Жу, отшельник из праздной болтовни составил сборник» — сказано в первых строках его шихуа⁸. Речь идет о последних годах жизни великого литератора, когда, выйдя наконец в отставку, Оуян Сю поселился в усадьбе, три года назад выстроеной по его распоряжению на берегу реки Жухэ в Инчжоу. Здесь в 1071 г. и появилось на свет «Шихуа отшельника Лю-и»⁹ — произведение небольшое, но сыгравшее существенную роль в развитии китайской словесности¹⁰.

В составе «Шихуа» всего одна цзюань, и в ней двадцать девять фрагментов, сравнительно небольших по объему¹¹, в которых прозаические пассажи сочетаются с поэтическими строками (их, как правило, две¹²), и именно последние выступают центральным фрагментообразующим элементом — все прочее написано ради них, вокруг них разворачивается и к ним сводится логическая нить авторского повествования. Но при таком небольшом объеме содержание шихуа Оуян Сю очень разнообразно — тут говорится и о технике стихосложения, и о том, как были утеряны или сохранены те или иные произведения, о стилистических различиях поэтических направлений, даются сведения и о самих поэтах. Материал распадается на несколько более или менее устойчивых тематических групп.

1) Фрагменты, представляющие собой своеобразные комментарии к поэтическим строкам, взятым из стихотворений выражениями или к отдельным словам. Характерным примером может служить фрагмент № 4, где комментируются четыре строки из двух стихотворений, посвященных особенностям жизни столичного чиновничества. А в фрагменте № 2 Оуян Сю показывает, что в строчку стихотворения Ли Фана вкралась ошибка, и приводит доказательства. Следует обратить также внимание, на то, что Оуян Сю в лучших тради-

⁶ Алексеев В. М. Китайская Поэма о Поэте. С. 5.

⁷ Интересно сравнить раннесунские шихуа с японскими *ута-моногатари* эпохи Хэйан (794—1192), «т. е. повествованиями о том, как, кем и при каких обстоятельствах была сложена та или иная танка (ута)» (Ермакова Л. Е. Ямато-моногатари как литературный памятник. С. 11), повествованиями, состоящими из законченных и независимых отрывков, включающих поэтическую и подчиненную ей прозаическую части.

⁸ Приведенную фразу китайские исследователи традиционно считают предисловием, хотя тому и нет никаких формальных признаков.

⁹ Письменные памятники последующего времени зафиксировали разные названия этого сочинения: «Шихуа Лю-и» 六一詩話, «Шихуа господина Оу» 區公詩話, «Шихуа господина Оуян Юн-шу» 歐陽永叔詩話, «Шихуа господина Оуян Вэнь-чжуна» 歐陽文忠詩話 — в этих названиях используются литературный псевдоним, и второе имя, и посмертное имя Оуян Сю. У Мэн-фу пишет, что первоначально сочинение называлось просто «Ши хуа» (У Мэн-фу. Тан Сун гувэнь бацзя гайшу. С. 75), того же мнения придерживается и Го Шао-юй (Го Шао-юй. Сун шихуа као. С. 2).

¹⁰ Здесь, как и в случае с Сун Ци и его сборником «Сун цзин вэнь гун би цзи», главная заслуга Оуян Сю состоит в том, что именно он употребил в названии своего сочинения иероглифы «ши хуа», сведя таким образом вместе нарождающийся жанр и его «родовые знаки», впоследствии ставшие таким же общеупотребительным жанровым наименованием, как чуаньци и сяошо. Оуян Сю, если так можно выразиться, поставил финальную точку в процессе формирования шихуа, как жанра, закрепил и до определенной степени сформировал формулу шихуа, которые, появившись и широко распространившись, лишь спустя некоторое время — как и положено в литературном процессе что в Китае, что в других странах мира, — были осмыслены и осознаны китайскими книжниками как отдельный, отличный от других, жанр.

¹¹ В последних изданиях эти фрагменты, как правило, пронумерованы современными текстологами; в оригинале такой нумерации они не имели. То же и в «Шихуа отшельника Лю-и».

¹² Кроме фрагмента № 8, где стихотворных строк нет вовсе, но говорится там, разумеется, о стихах; во фрагментах № 14 и 24 помещены (для памяти) целые стихотворения в 24 и в 16 строк соответственно.

циях классической китайской историографии включает в свое шихуа и те стихотворные строки, которые, по его мнению, выдающимися достоинствами не отличаются, однако же соответствуют исторической правде — «Хоть сложены эти строки и грубовато, речь в них идет о том, что действительно было в двух столицах» (фраг. № 4).

2) Фрагменты, в которых автор дает оценку тем или иным поэтическим строкам или их авторам. Более часты оценки хвалебные (например, фраг. № 12, 15), однако они могут быть и вполне уничижительными (фраг. № 11). Такие фрагменты напоминают «Категории...» Чжун Жуна.

3) Фрагменты, представляющие собой записи коротких, примечательных, с точки зрения Оуян Сю, случаев с поэтами, анекдоты о поэтах. Здесь часто сообщаются интересные сведения — например, о поэтическом состязании между девятью буддийскими монахами и Сюй Дуном (фраг. № 10); это и просто записи информационного характера, сообщающие сведения о прославленных (и не очень) поэтах: Чжао Ши-мине (фраг. № 27), Сун Ци (фраг. № 29) и т. д. Фрагменты этой группы особенно близки к сюжетной прозе сяошо.

4) Фрагменты, содержащие некоторые элементы теоретических взглядов на поэзию самого Оуян Сю (или его друга Мэй Яо-чэня, перед чьими суждениями о поэзии он преклонялся). Фрагменты этой группы по своему духу близки к поэтическому трактату Сыкун Ту.

Появление «Шихуа отшельника Лю-и» оказалось настолько своевременным и закономерным, что произведения в этом жанре в самое короткое время широко распространились — так, после 1071 г. появились «Продолжение шихуа» 續詩話 Сыма Гуана (司馬光 1019—1086), «Шихуа Чжун-шаня» 中山詩話 Лю Биня (劉敞 1022—1088), «Шихуа Хоу-шаня» 後山詩話 Чэнь Ши-дао (陳師道 1053—1101) и многие, многие другие. Шихуа стали входить на правах составных элементов в более крупные собрания (например, в бицзи), ибо решали сходные задачи: сохранить знания о поэзии, зафиксировать их для будущих поколений, уточнить неточное и исправить неверное¹³ — т. е. все то, к чему испокон века были столь равнодушны китайские книжники, всегда придававшие поэзии как источнику достоверных сведений большое значение. И для исследователя традиционной китайской культуры и поэзии произведения в жанре шихуа представляют несомненную ценность в первую очередь именно тем, что в них подчас заключены уникальные сведения и материалы, а также оценочные мнения современников (часто — целые подборки таких мнений) по поводу какого-либо стихотворения, поэта, литературного направления, что позволяет сегодня составить представление о восприятии современниками того или иного поэтического произведения, а это иногда даже более любопытно, чем само произведение.

Жанр шихуа можно и нужно рассматривать как один из истоков китайской литературной поэтической критики, а Оуян Сю — как одного из ее родоначальников. С течением времени шихуа значительно возросли в объеме, да и содержание самого понятия «рассуждение о стихах» было подвергнуто переосмыслению: уже в «Шихуа Цан-лана» 滄浪詩話 южносунского Янь Юя 嚴羽, написанном в тридцатых годах XIII в., дается деление шихуа как целого на пять составляющих (*ши бянь*, «признаки стихов *ши*»; *ши ти*, «поэтические стили»; *ши фа*, «стихосложение»; *ши тинь*, «категории стихов»; *ши чжэнь*, «выправление поэтических [текстов]»), охватывающих главным образом разные аспекты теории стихосложения или литературной критики, а места для истории о поэтах (и «хуа» в смысле «гуши») уже почти не остается¹⁴. В этом смысле «Шихуа отшельника Лю-и» можно рассматривать как сборник, в котором признаки жанра не оформились еще в полной мере и который несомненно ближе к бицзи, нежели последующие «рассуждения о стихах»; данное обстоятельство является дополнительным аргументом для включения перевода «Шихуа отшельника Лю-и» в настоящий том.

***

(1) Уединенно поселившись на южном берегу Жу, отшельник из праздной болтовни составил сборник.

Примеч. Отшельник. — Оуян Сю взял псевдоним «Отшельник Лю-и» в 1070 г. «Некий гость спросил: "А что значит Лю-и (六一 Шесть "один")?" Отшельник отвечал: "В моем доме хранится один *вань* (萬, десять тысяч) цзюаней книг, мною собрана одна тысяча цзюаней записей на камне и бронзе, начиная с трех династий древности (XXI—II

¹³ Так делает уже Оуян Сю: в своем шихуа он записывает выражения из стихов, смысла которых не понимает, однако обстоятельно указывает все то, что ему об этом известно, в надежде, что потом кто-нибудь разберется лучше него (№ 18, 26). Его ожидания оправдал уже Сыма Гуан, уточнив в своем шихуа сведения о девяти монахах-поэтах: «У господина Оуяна сказано: собрание стихов девяти монахов утеряно. Но я, будучи весной первого года Юань-фэн (1078) в храме Юйцюаньсы, что на горе Ваньаньшань, и заночевав там у цзиньши Минь Жу-цзяо, нашел эту книгу!» (Ли дай ши хуа. Т. 1. С. 180). Стоит добавить, что сведения о монахах дошли до нас лишь благодаря Оуян Сю и Сыма Гуану.

¹⁴ Современный китайский исследователь Гэ Чжао-гуан 葛兆光 в сунских шихуа выделяет три основные группы: собрания, включающие в себя рассуждения о стихах различных авторов, то есть своеобразные компендиумы, энциклопедии шихуа — например, «Ши хуа цзун гуй» (詩話總龜 «Генеральный свод шихуа») Жуань Юэ (阮閱 кон. XI—перв. пол. XII в.); собрания фрагментов, посвященных событиям, связанным со стихами, когда вокруг того или иного поэтического произведения раскрывается история его создания или же иные исторические обстоятельства, имеющие отношение к данным строкам, — например, «Ши линь гуан цзи» (詩林廣記 «Обширные записки о лесе поэзии») Цай Чжэнь-суня (蔡正孫 XIV в.), своего рода памятник поэзии ушедшей сунской эпохи; наконец, собрания, основным содержанием которых является собственно теория поэзии и стихосложения, как упоминавшееся выше «Шихуа Цан-лана» 滄浪詩話 (см.: Гэ Чжао-гуан. Сундай шихуа мань-тань. С. 114).

вв. до н. э., Ся, Инь и Чжоу. — И. А.), есть один цинь, одни шахматы, и на стол я всегда выставляю один чайник вина". Гость: "Да, но тут получается всего У-и (五 — пять "один")!" Отшельник отвечал: "А со мной, стариком, встретившим преклонные годы среди этих вещей, разве не будет шесть?"» (*Оуян Сю. Вэньсюань. С. 315*).

(2) Покойный господин Ли Вэнь-чжэн преподнес [двору] стихи «Погребальная песня в Юнчанлине», и там говорилось:

При пяти правлениях с нефритом в руках к небесам обращался двор.
Три раза в императорском чертоге изъявляли покорность князья.

В то время все придворные подносили стихи, но это стихотворение было признано наилучшим. Упомянутые три князя — это Лю Чан из Гуаннани, Мэн Чан из Западного Шу и Ли Хоу-чжу из Цзяннани. Что же до пяти правлений, то здесь ошибка.

Когда подошел к концу четвертый год Цзянь-лун, в начале следующего года Тай-цзу принес жертвы [Небу] в предместье и изменил девиз правления на Гань-дэ. На шестой год [под этим же девизом] снова принес жертвы в предместье и изменил девиз на Кай-бао. На пятый год Кай-бао снова приносились жертвы, но девиз менять не стали. На девятый год была усмирена Цзяннань, в четвертую луну было большое моление о ниспослании дождя, [а потом Тай-цзу] отрекся от престола и удалился в Западную столицу. Так что молений Небу, как говорится, с нефритом в руках на самом деле было четыре. Господин Ли сам жил в то время и никогда не стал бы обманывать, так что здесь ошибка передававших [эти строки].

Примеч. Ли Вэнь-чжэн — то есть сунский вельможа Ли Фан (李防 924—996), посмертное имя которого было Вэнь-чжэн 文正. Чиновничью карьеру начал при Пяти династиях: выдержал экзамен на степень цзиньши при Поздней Хань, при Поздней Чжоу был членом придворной академии Ханьлиньюань, служил по исторической части. При Сун занимал разные высокие должности при дворе, в 962 г. был выслан служить в провинции, в 969 г. был призван обратно и получил назначение в императорский секретариат; должности министерского ранга занимал два раза — в 983 и в 991 г. В 70—80-х гг. X в. был главой императорской коллегии по составлению фундаментальных, важнейших для китайской культуры собраний письменных текстов — «Тай-пин юй лань» (太平御覽 «Императорское обозрение годов Тай-пин») и «Тай-пин гуан цзи» (太平廣記 «Обширные записки годов Тай-пин»), составил «Тай-цзу ши лу» (太祖實錄 «Правдивые записки о Тай-цзу»), хронику царствования первого сунского императора. Образованнейший человек и эрудит. СШ: 256.

Юнчанлин — имеется в виду место погребения первого сунского императора Тай-цзу.

Лю Чан (劉鋹 943—980) — последний правитель династии Южная Хань (917—971) эпохи Пяти Династий и Десяти Царств, владения которой располагались на территории Гуаннани (совр. пров. Гуанси и Гуандун). Правил с 958 по 971 гг., до тех пор, пока объединявшая раздробленную страну сунская династия не завоевала Гуаннань и не присоединила ее земли. При правлении Лю Чана роскошь дворцовых ханьских покоев достигла особого размаха: по свидетельству современников, драгоценности и золотые изделия громоздились там кучами, а сам правитель проводил дни в непрерывных увеселениях со своими приближенными. Число же дворцовой челяди превышало двадцать тысяч человек.

Мэн Чан (孟昶 919—965) — последний правитель династии Поздняя Шу (933—965), подчинившей себе земли совр. пров. Сычуань, юга Шэньси, юго-востока Ганьсу и запада Хубэя. Правил с 934 по 965 гг., когда сдался сунским войскам, вошедшим в Чэнду. После чего был перевезен в Кайфэн, удостоен титула Циньго-гуна, но на седьмой день скончался при загадочных обстоятельствах. Остался в истории как правитель искусный и хитроумный, а также как большой любитель роскоши — известно, что даже его ночной горшок был отделан жемчугом и драгоценными камнями. Любопытно, что, согласно китайским народным поверьям, имя Мэн Чана связывается с культом Чжан Сяня (святого Чжана): считается, что Мэн Чан — посмертное его воплощение. Вместе с плененным Мэн Чаном в Кайфэне, в числе обитательниц покоев первого сунского владыки, оказалась и любимая его наложница Хуа-жуй. Именно ей приписывают создание первого изображения Мэн Чана — стреляющего из лука (арбалета) в небесную собаку, и с ней связывают начало его культа: после смерти Мэн Чана Хуа-жуй повесила это изображение в своих покоях и возносила ему молитвы. В один прекрасный день к наложнице вошел Чжао Куан-инь и, увидев картину, спросил, кто изображен на ней. Наложница, слукавив, отвечала, что это — святой Чжан (Чжан Сянь), которому молятся на ее родине, в Сычуани, о ниспослании сыновей. Так, согласно легенде, возник культ Чжан Сяня. Дальнейшее развитие культа Чжан Сяня (Мэн Чана) связано с именем сунского императора Жэнь-цзуна (仁宗, на троне 1022—1063), долгое время не имевшего наследников и увидевшего во сне прекрасного отрока, который сообщил императору, что все дело в небесной собаке; необходимо прогнать ее, тогда и будет наследник престола. Отрок назвался Чжан Сянем и сказал, что прогнать собаку может его изображение, которого она единственно и боится. Проснувшись, Жэнь-цзун немедленно велел нарисовать Чжан Сяня, стреляющего из лука по небесной собаке, и повесить это изображение в своих покоях. К сожалению, это не помогло, у императора сын так и не родился; наследником трона был провозглашен внучатый племянник Чжао Куан-иня. Вскоре культ Чжан Сяня, выйдя за пределы императорского дворца, распространился довольно широко и среди простого народа. Описания явившегося во сне Чжан Сяня довольно часты в письменных памятниках. Имя этого святого легенды связывают с появлением на свет разного рода исторических личностей: например, Чжан Сянь явился во сне Су Сюню (1009—1066), отцу известных литераторов Су Ши и Су Чэ, непосредственно перед их рождением; в руке у него было два заряда для арбалета. Су Сюнь даже сложил по этому поводу хвалебную оду. К этому же времени относится и появление первых кумирен, специально посвященных Чжан Сяню, где стали появляться и глиняные изображения Чжан Сяня и его супруги — Хуа-жуй фужэнь.

Ли Хоу-чжу — то есть Ли Юй (李煜、後主 937—978), последний правитель династии Южная Тан, контролирующей земли Цзяннани (т. е. совр. пров. Цзянсу, Аньхой, Фуцзянь, Хунань и восток Хубэя). Великий поэт, каллиграф и художник.

Четвертый год Цзянь-лун — 963.

Девиз... Гань-дэ — 963—967.

Девиз... Кай-бао — 968—975.

Западная столица — в сунское время так называли г. Лоян (в совр. пров. Хэнань), бывший столицей при нескольких династиях. Стоит на реке Лошуй.

...С нефритом в руках — речь идет о ритуальных скипетрах из нефрита, которые высшим сановникам полагалось держать в руках как символ власти во время приемов при дворе, проведения дворцовых жертвоприношений и при других ритуальных действиях.

(3) Во время правления Жэнь-цзуна несколько именитых сановников прославились своими стихами. Поскольку [все они] преклонялись перед «стилем Бо Лэ-тяня», то и в выражениях стремились к простоте. К примеру, такие строчки:

Если жалованье есть, нежь супругу и детей.
Если же не повезло — как простые люди будь.

Некий насмешник заметил: «Вчера я на улице повстречал кибитку — нагруженную так тяжело, что вол с великим трудом вез ее! Не это ли как раз будет "нежь супругу и детей"?» Слышавшие передавали это как забавную шутку.

Примеч. «Стиль Бо Лэ-тяня». — Имеется в виду великий танский поэт Бо Цзюй-и (白居易 772—846), второе имя которого было Лэ-тянь 樂天. Говоря о «стиле Бо Цзюй-и», обычно имеют в виду настойчивое обращение поэта к социально-политической тематике, когда стихи должны отражать действительность, а не быть отстраненно-прекрасными; и о вытекающем отсюда внятном повествовании и простоте языка, необычными для современников; согласно широко распространенной легенде, Бо Цзюй-и каждое свое сочинение перво-наперво читал вслух своей няне, опробуя таким образом на ней понятность изложения, и если няня стихотворение одобряла, лишь тогда считал его законченным. Все это не помешало Бо Цзюй-и оставить после себя и значительное число лирических миниатюр удивительной красоты, выдержанных в лучших традициях классической китайской поэзии.

(4) В окрестностях императорской столицы великое множество красивых мест, но чиновный люд так загружен делами службы, что с трудом выкраивает в погожий день время, чтобы насладиться пиром или прогулкой среди прелестных пейзажей. Даже в стихах есть такие строчки:

Торговец с цветами на коромыслах любит на персики и сливы.
Торговец вином жадно ловит звуки музыки, несущиеся с башни.

В чаньской обители Интяньчаньюань, что в Западной столице, есть императорский зал поклонения духам предков — как раз на северном берегу реки, в десяти с чем-то ли от Хэнаньфу. Каждый год все чиновники — и знатные, именитые, и простые служащие — вынуждены являться сюда на утреннюю службу страшно рано, а когда служба кончается, казенное вино обходит всех три раза, и чиновники, не перебросившись и словом, возвращаются назад. Вот почему сложены такие строки:

Будто во сне глубоком десять ли прошел.
Ни слова не промолвив, три чаши осушил.

Хоть сложены эти строки и грубовато, речь в них идет о том, что действительно было в двух столицах.

Примеч. Торговец цветами... — т. е. человек не имеет полной возможности насладиться даже тем, что совсем рядом с ним и, казалось бы, вполне доступно.

Хэнаньфу — область, такое название получила в 713 г., располагалась на территории совр. пров. Хэнань; здесь имеется в виду областной центр, т. е. Лоян.

Две столицы — Западная, т. е. Лоян, и Восточная — Кайфэн.

(5) Мэй Шэн-юй однажды на пиру у Фань Си-вэня сложил стихотворение «Рыба-иглобрюх», и там были такие строчки:

Весной на отмели появляются ростки тростника,
весной с берега летит тополиный пух.
И в это время рыба-иглобрюх
дороже ценится, чем все другие рыбы.

Рыбы-иглобрюхи постоянно появляются весной на закате, целыми стаями плавают они у поверхности воды, едят пух и жиреют. Южане часто варят суп из этой рыбы и ростков тростника и говорят, что он самый вкусный. Оттого-то люди, понимающие толк в стихах, и говорят, что уже эти две строчки раскрыли тему стихотворения и что уже в них сполна отражены достоинства иглобрюхов.

Всю свою жизнь Шэн-юй терпел из-за стихов, вкладывая в них великую и отвлеченную простоту древности, вот стихи у него и выходили такие печальные. А это — родилось среди шумного застолья, когда великое воодушевление водило кистью Шэн-юя. Стихи возникли мгновенно и были признаны верхом совершенства.

Примеч. Фань Си-вэнь 范希文 — второе имя крупного политического деятеля, чиновника и поэта Фань Чжун-яня (范仲淹 989—1052).

Рыба-иглобрюх — то есть рыба фугу, она же рыба-собака (*Fugu tubripes*), морская тепловодная рыба, достигающая 80 см. в длину; нерестится весной, молодь обитает в бухтах, но по мере взросления уходит из прибрежных вод. Лишнее чешуи тело покрыто мелкими шипами. При раздражении рыба раздувается в шар и шипы становятся торчком, перпендикулярно телу. Опасна для применения в пищу, наиболее ядовиты гонады и печень, ни мясо также содержит очень сильный яд тетрадоксин. Тем не менее весьма ценится гурманами Японии, где существует множество специализированных ресторанов, повара которых сертифицированы как мастера приготовления этой опасной рыбы.

(6) Сюэши Су Цзы-чжань был родом из Шу. Однажды в воеводстве Юйцзинь ему посчастливилось достать мягкий футляр для лука, сделанный из маньской материи, — такие продают юго-западные варвары. На футляре было вышито стихотворение Мэй Шэн-юя «Весенний снег» — оно есть в «Собрании Шэн-юя», но не особенно знаменито. Да, видно, известность Шэн-юя так широко распространилась по Поднебесной и, стихотворение за стихотворением, докатилась даже до варварских земель, что и там, в далеких окраинах, его стихи столь высоко ценятся!

Цзы-чжань, зная, как мы были близки с Шэн-юем, заполучив футляр, передал его мне на память [об ушедшем друге].

В моей семье издавна хранится цинь — его изготовил еще Лэй Хуэй в третий год Бао-ли, с тех пор минуло уже две с половиной сотни лет! Звуки этого циня так чисты, словно ударяешь о драгоценный камень. И вот я вложил цинь в тот футляр. Эти две вещи стали истинными сокровищами моего дома.

Примеч. Су Цзы-чжань — великий сунский поэт Су Ши (蘇軾 1036—1101), второе имя которого было Цзы-чжань 子瞻. Оуян Сю был назначен главным экзаменатором, когда Су Ши сдавал экзамен на степень цзиньши, и отметил его. О сборниках бици Су Ши см. с. 000—000 настоящего тома.

Шу — старое название совр. пров. Сычуань. Су Ши был родом из Мэйшани.

Юйцзинь — воеводство, располагалось на территории совр. уезда Чаннинсянь в пров. Сычуань. В 1075 г. было переименовано в Чаннин. Здесь в сунское время находился один из центров соледобычи.

Маньская материя... — Мань — общее название, употреблявшееся в старом Китае для обозначения целого ряда не китайских племен, так называемых варваров, населявших юг современного Китая, провинции Гуандун и Гуанси. Далее они же названы юго-западными варварами. Кстати, Е. А. Серебряков, ссылаясь на сунскую династийную историю, пишет о халате с такой же, как и на футляре для лука, вышивкой, сделанном в тех же местах (*Серебряков Е. А. Китайская поэзия X—XI веков. С. 171*).

Лэй Хуэй 雷會 — в виду имеется один из представителей танской семьи Лэй из Сычуани, из поколения в поколение изготавливавшей цини (семиструнные щипковые музыкальные инструменты). Самый известный из этой семьи — Лэй Вэй 雷維/威, цини его производства особенно ценились в сунское время, их называли *лэйшицинь* 雷氏琴, *лэйгунцинь* 雷公琴 или просто *лэйцинь* 雷琴. Несколько его циней ныне хранятся в пекинском Гугуне. Также из семейства Лэй довольно известен Лэй Янь 雷儼, предок Лэй Вэя, удостоившийся даже чиновничьего поста при дворе императора Сюань-цзуна.

Третий год Бао-ли — 826.

(7) Буддийский монах из У по имени Цзань-нин в начале правления [нынешней] династии был назначен главой [ведомства] Сэнлусы. Цзань-нин прочитал множество конфуцианских сочинений, он обладал обширнейшими познаниями и превосходной памятью, да к тому же был наделен способностью к сочинительству, а в искусстве спора никто с ним тягаться не мог.

В то время жил некий Ань Хун-цзянь, писавший весьма отменно и прозу, и стихи «цы». Но еще лучше Хун-цзянь умел вышучивать людей в стихах. И вот как-то на улице он повстречал Цзань-нина, который шел в сопровождении нескольких монахов. Указав на Цзань-нина пальцем, Хун-цзянь продекламировал:

«Нелюбимые спутники» *дугуаня* Чжэна часто ходят гуськом! —

на что Цзань-нин незамедлительно ответил:

Те, кого Цинь Ши-хуан не успел закопать, часто сбиваются в толпы!

Присутствовавшие все как один сочли, что Цзань-нин дал достойный ответ. А намекал Хун-цзянь на стихотворение Чжэн Гу, где сказано: «Любишь ли, нет ли монаха в пурпурной рясе».

Примеч. У — старое название совр. пров. Цзянсу.

Стихи «цы» — характеризуются нерегулярной длиной строки, системой чередования тонов и еще тем, что писались на определенную мелодию. Жанр возник в конце правления династии Суй (581—618) и приобрел при Сун широкое распространение.

Ань Хун-цзянь (安鴻漸 Х в.) — сунский литератор, живший в начале правления династии Сун и в свое время весьма славившийся своими сочинениями среди жителей Лояна.

Те, кого Цинь Ши-хуан не успел закопать. — Цзань-нин намекает на то, что император Цинь Ши-хуан-ди (秦始皇帝, на троне 241—209 до н. э.) в свое время распорядился изъять и сжечь все книги — за исключением циньских анналов, медицинских и гадательных сочинений, а также казнить книжников, которых, например, живьем закапывали в землю.

Чжэн Гу (鄭固 ум. 897?) — танский чиновник и поэт. Проявил таланты уже в раннем детстве — известно, что в свои семь лет он умел писать стихи. В 838 г. был высоко оценен поэтом Сыкун Ту, служившим вместе с его отцом. В 897 г. Чжэн Гу действительно был назначен на должность *дугуаня* (секретаря императора по военным и судебным делам).

(8) Чжэн Гу своими стихами широко прославился в конце Тан, и из них был составлен сборник «Облачная терраса», но поскольку молва передавала, что он был чиновник, [сборник] называли «Стихи дугуаня Чжэна».

Его стихи — очень интересны, много метких строк, а вот следование правилам [стихосложения] не всегда на высоте. По стихам Чжэна, из-за их простоты и ясности, во многих семьях обучали детишек, и я, когда был маленький, тоже знал их и тоже превосходно декламировал. Ныне же собрания стихов Чжэн Гу уж не сыщешь на свете!

Мэй Шэн-юй на склоне лет тоже занял поста дугуаня, и вот однажды, когда мы вместе пили вино у меня дома, Лю Юань-фу шутливо заметил: «Уж до большей должности Шэн-юю не дослужиться!» Все гости испугались, а Юань-фу продолжал: «Ведь раньше был дугуань Чжэн, а теперь — дугуань Мэй!» Однако Шэн-юй нахмурился еще больше. А вскоре после этого заболел и умер.

Я написал предисловие к его стихам, а сборник назвал «Собрание Ваньлин» — ныне эту книгу называют «Стихи дугуаня Мэя». Вот как одно лишь шутливое слово оказалось сущей правдой. Ну не печально ли!

Примеч. Лю Юань-фу — то есть сунский сановник, историк и поэт Лю Чан (劉敞 1019—1068), второе имя которого было Юань-фу 原父. Литературный псевдоним Гунн-ши сяньшэн 公是先生. Экзамен на степень цзиньши выдержал в 1046 г. Служил в цензурате, был чжичжигая, ездил посольством к киданям. Был очень образованный и эрудированный человек, знаток «Чунь цю» (из-под его кисти вышло общим счетом сорок цзюаней сочинений, посвященных этому памятнику); известно, что Оуян Сю, когда сталкивался с вызывавшим у него затруднение вопросом, частенько писал к Лю Чану и всегда получал исчерпывающий ответ. СШ: 319.

Ваньлин — литературный псевдоним Мэй Яо-чэня был Ваньлин сяньшэн 宛陵先生, Господин из Ваньлина, где Ваньлин — старое название сунского уезда Сюаньчэн в области Сюаньчжоу (совр. пров. Аньхой), родины поэта. Оуян Сю написал предисловие к собранию стихотворений Мэй Яо-чэня в 1061 г. в Кайфэне, через год после смерти поэта. Пожалуй, наилучшим образом оценка Оуяном Сю Мэй Яо-чэня — его литературных талантов и допущенной в отношении этого в высшей степени способного человека несправедливости — звучит именно в этом предисловии: «Мой друг Мэй Шэн-юй был с раннего возраста, в силу отцовских заслуг, причислен куда-то в ничтожных чинах. Но вот он добрался до звания цзиньши, или кандидата на службу большую. Однако — сейчас же задавлен остался властями, что стали ему на дороге, служат в захолустных каких-то уездах, и так продолжалось лет десять и боле. Ему уж пожалуй лет под пятьдесят, а он все по найму да по приглашению помощником служит кому-то всегда. Он копит да копит в себе да в себе, а случая нет это выразить в деле, явить это в службе прямой. <...> Однако его до сих пор никто и не думал продвинуть повыше, представив и аттестовав. А было ведь, так, что покойный граф Ван [по смерти известный, как Просвещенный и Мощный] (т. е. сунский сановник Ван Шу 王曙, 963—1034, при императоре Жэнь-цзуне занимавший пост первого-министра. — И. А.), увидев стихи его, был поражен и со вздохом сказал: "Таких вещей уж лет двести как в поэзии не было!" Но, даже зная его так, со всею должной глубиной, он тоже не пошел на то, чтобы представить Мэя к чину. А если бы, представьте себе, он, когда бы это удалось, нашел себе признание при дворе и сочинял бы там торжественные гимны и славословия древнейших образцов... то разве было б это все не колоссально и велико? Зачем, скажите, дать ему состариться неудовлетворенным? Все сочинять стихи в убожестве живущих и загнанных умов? Зачем ему все говорить лишь на мотивы о жуках, различных рыбах и подобном, о жизнью связанных людях, тоске, порыве, вздыханиях? У нас все любят его ловкость, с какою пишет он стихи, и никому нет дела до того, что он в убожестве живет уже давно и стал уж стар. Как я могу не пожалеть?» (пер. В. М. Алексеева в кн.: Шедевры китайской классической прозы. Т. 2. С. 270—271).

(9) В то время, когда широко расцвело изящное слово, один *шэжэнь* Чэнь Цун-и славился как погруженный в древние канонические книги ученый, а большинство его стихов написано в духе Бо Лэ-тяня. После Яна и Лю, которые обменивались стихами, и распространения в свете «Собрания Сикунь», те, кто готовился к экзаменам, наперебой стали использовать эти [новые] стихи. Представления об изящном в одночасье изменились, и все заговорили о «стиле сикунь». Оттого собрания стихов танских мудрецов были преданы забвению и не распространялись более.

И вот во времена господина Чэня вдруг обнаружили старый список собрания стихов Ду [Фу] — текст изобилдовал пропусками и ошибками, а в строке «Он, легок как птица...» из стихотворения «Посылаю дувэю Цаю» не хватало одного последнего иероглифа, и господин Чэнь с несколькими гостями взялись его подбирать. Кто предлагал «быстр», кто — «упал», кто — «взлетает», кто — «бросается вниз», но угадать так и не смогли. Позднее был найден еще один список — в превосходном состоянии, и там говорилось: «Он, легок как птица, пронесся». Господин Чэнь вздыхал в восхищении: ведь всего один иероглиф, а сколько достойных мужей не сумели подобрать!

Примеч. Чэнь Цун-и (陳從易 ?—1031) — сунский сановник и поэт. Экзамены на степень цзиньши успешно выдержал в 989 г. и был назначен на мелкий областной пост. После продвинулся по службе — был вызван ко двору и при императоре Жэнь-цзуне уже занимал высокие посты, в том числе был *чжуншиу шэжэнь* (чиновник Чжуншуньшэна, Государственной канцелярии, ведающий делопроизводством и составлением черновиков императорских бумаг), здесь сокращенно названный *шэжэнь*. В то время, когда среди литераторов установилась общая мода на стиль «сикунь», Чэнь был один из немногих, кто этой моде не последовал, отдавая должное конфуцианской учености, а в стихосложении предпочитая стиль Бо Цзюй-и. Сочинений Чэнь Цун-и сохранилось ничтожно мало — три стихотворения в составе «Цюань сун ши» и два прозаических текста. СШ: 300.

Ян и Лю, «Собрание Сикунь». — Речь идет о поэтическом сборнике «Си кунь чоу чан цзи» (西崑酬唱集 «Собрание поэтических экспромтов из Сикунь»), составленном Ян И (楊億 947—1020), куда он включил 248 произведений, в том числе и собственных, а также — знакомых и друзей, в том числе и Лю Юня (劉筠 971—1031), которого

упоминает Оуян Сю; всего 17 авторов. «Семнадцать поэтов, представленные в сборнике, занимали крупные посты в столице, были причастны к составлению и редактированию императорских указов и посланий. Они общались с небольшим кругом знати, проводили время в беседах с друзьями и в обсуждении стихотворений, воспринимавшихся как знак избранности. Ян И, Лю Юнь, Цянь Вэй-янь (錢惟演 962—1034), Ли Цзун-э (李宗諤 964—1012) и другие образовали поэтическое направление сикунь, характеризующееся увлечением стихотворной техникой и невниманием к содержанию произведений. В их стихах воспевалась жизнь двора и знати, передавалось чувство восхищения красотой дворцов, богатством праздничных увеселений» (Серебряков Е. А. Китайская поэзия X—XI веков. С. 17). Тем не менее «Собрание Сикунь» быстро вошло в моду, распространилось, вызвало волну подражаний и стало одним из господствующих в поэзии того времени. Потому Оуян Сю и пишет, что «представления об изящном в одночасье изменились». Сам он резко выступал против формализма в поэзии (подр. см., например: Чжу Да-ган. Ду «Лю-и шихуа» пин сикунь ши).

«По сы ла ю ду в э ю Ц а ю» — имеется в виду стихотворение великого танского поэта Ду Фу (杜甫 712—770), в котором воспеваются достоинства военачальника Цай Си-лу 蔡希魯 и перечисляются его боевые качества, которые Цай не раз демонстрировал в бою — в том числе отменное владение приемами рукопашного боя, о чем и идет речь в процитированной строке.

(10) Среди последователей учения Будды при нынешней династии девять человек снискали себе славу стихами, в то время был известен сборник под названием «Стихи девяти монахов», но теперь его уже не достанешь. В юные годы я от многих слышал похвальные слова тем стихам. Одного монаха звали Хуэй-чун, а имен других я не помню. Когда-то я для себя переписал его стихи, и там было сказано:

Кони носятся табунами вниз, на земле.
Орлы вьются-дерутся за облаками, в небе.

И еще:

Весна родится за хребтом Гуйлинь.
А я живу на запад от Хаймэнь.

Много у [Хуэй-чуна] было и других выдающихся строчек. Но ныне сборник стихов [тех монахов] утерян, и многие сейчас вовсе не знают, кого называли «девятью монахами». Как жаль!

В те времена жил *цзиньши* по имени Сюй Дун. Это был незаурядный ученый муж, автор прекрасных стихов «цы». Встретившись с прославленными монахами [для поэтического состязания], Дун вынул лист бумаги и написал условие: «Не посмею использовать ни одного иероглифа из...» — и указал такие знаки: *шань* (山 гора), *шуй* (水 вода), *фэн* (風 ветер), *юнь* (雲 облако), *чжу* (竹 бамбук), *ши* (石 камень), *хуа* (華 цветы), *цао* (草 травы), *сюэ* (雪 снег), *сянь* (霰 иней), *син* (星 звезда), *юэ* (月 луна), *цин* (禽 птицы) и некоторые другие в том же духе. Прочитав, монахи отложили кисти.

Сюй Дун выдержал экзамен на степень цзиньши в третьем году Сянь-пин. Некий современник сказал: «Чжан Кан путает все с лошадьми, Сюй Дун за наряды дерется с женой» — так это про него.

Примеч. Девять монахов — буддийские тяньтайские монахи Си-хуа 希晝, Бао-сянь 保暹, Вэнь-чжао 文兆, Син-чжао 行肇, Цянь-чан 簡長, Вэй-фэн 惟鳳, Юй-чжао 宇昭, Хуай-гу 懷古 и Хуэй-чун 惠崇. «Но знаменит был только Хуэй-чун. Его хвалил и Оуян Сю», — отмечал Чжэн Чжэнь-до (Чжэн Чжэнь-до. Чатубэнь чжунго вэньсюэ ши. Т. 2. С. 463). Образован поэтическое сообщество, монахи эти постоянно обменивались стихами, главными темами которых были, в противовес школе сикунь, повседневные дела и обыденные события, и выработали в результате собственный поэтический стиль, оказавший определенное влияние на последующие поэтические школы и направления. А столь выделяемый Оуян Сю монах Хуэй-чун был, по свидетельствам современников, еще и отменным художником. Составленный из стихов этих монахов сборник «Цзю энь ши» (九僧詩 «Стихи девяти монахов») датируется 1004 г. и содержит немногим более ста их избранных стихотворений.

Г у и л и н ь — горный хребет на северо-востоке уезда Хэсянь южной провинции Гуандун.

Х а й м э н ь — уезд в провинции Цзянсу, на морском побережье.

С ю й Д у н (許洞 976?—1017?) — сунский эрудит, стратег, чиновник, поэт. Второе имя его было Юань-фу 淵夫, другое — Дун-тянь 洞天. Предки его отца Сюй Чжун-жуна 許仲容 были жителями столицы, но потом переехали в уезд Усянь, что близ Сучжоу, где и родился Сюй Дун. В юности Сюй Дун много занимался стрельбой из лука и фехтованием, потом, сосредоточив усилия на учении, выдержал экзамен на степень цзиньши (в третий год Сянь-пин: 1000) и стал служить, но вскоре оставил службу (будучи человеком прямым и несдержанным, высказался пренебрежительно о своем начальнике, которого счел необразованным невеждой, в результате чего был обвинен начальником в халатности и растрате и уволен) и поселился на покое. Когда в 1011 г. император Чжэнь-цзун отправился совершать моления, Дун по этому случаю сложил оду и поднес трону. Его вызвали ко двору и после императорских экзаменов назначили уездным секретарем в Уцянь. Умер Дун в возрасте сорока двух лет. После него осталось довольно большое количество сочинений — собрание более чем в сто цзюаней. Особенно Сюй Дун славился знанием «Цзо чжуань», а также трактатом по военному делу, написанным им в 1005 г. О Сюй Дуне см. также с. 000—000 настоящего тома, а по поводу последнего трактата — Школяр С. А. Сюй Дун и его «Трактат для военачальников».

Не посмею использовать... — т. е. Сюй Дун дал обязательство не использовать часто употреблявшихся именно в стихах и легко рифмующихся иероглифов, что усложняло задачу. Увидев это, монахи поняли, что имеют дело с большим мастером, сознательно себя ограничивающим, и признали свое поражение, так и не начав состязания.

Ч ж а н К а н 張康 — упоминается как цзиньши, рекомендованный в экзаменаторы министром Хань Цзяном (韓絳 1012—1088).

(11) Мэн Цзяо и Цзя Дао страсть к стихам привела к смерти в нищете. А они, однако же, высшую радость всю жизнь находили в строках о бедности и страданиях. У Мэна есть стихотворение «Переезжаю», где сказано:

Нанял повозку, скарб домашний сложил.
Вещей так мало — место еще осталось!

Тут речь о том, что у Мэна вообще ничего нет.

А в стихотворении «Благодарю человека, подарившего мне уголь», есть такая строка:

Скрюченное тело мое в тепле снова станет прямым.

Кто-то заметил, что если бы Мэна [действительно] так скрючило, то он просто не смог бы написать об этом.

А вот у Цзя:

Хоть на висках моих еще волосы есть,
Но чтоб соткать для зимы одежду, не хватит их!

А если бы он и приказал соткать — сколько бы [тех волос] надергали? В его же стихотворении «Голодаю на заре» есть такие строки:

Сижу и слышу: рядом кто-то на цине играет.
От холода лопнуло две или три струны.

Некто заметил, что уж если Цзя не мог совладать с голодом, то как мог еще вдобавок вытерпеть и холод?

Примеч. Мэн Цзяо (孟郊 751—814) — известный танский поэт. Исключительные способности проявил уже в семилетнем возрасте. В юные годы удалился на гору Суншань и поселился там в уединении. К 774 г. относится его знакомство с Лу Юем и другими поэтами в Хучжоу — они устраивали совместные поэтические пирушки. В 791 г. Мэн Цзяо выдержал областные экзамены в Хучжоу и был рекомендован для столичных экзаменов, но, несмотря на поддержку известных людей, испытания в столице не прошел. Он ездил в Чанъань еще два раза — в 793 и 795 году, и лишь с третьей попытки, в 796 г., получил все же степень цзиньши; Мэн Цзяо тогда было уже сорок пять лет. В столице поэт свел знакомство с Хань Юем и другими знаменитостями. Мэн Цзяо не сделал большой карьеры — в основном служил в провинции. Он умер в пути к новому месту назначени, проезжая через Лоян. Самые тесные поэтические связи у Мэн Цзяо были с Хань Юем, современники считали их стили весьма схожими и оттого причисляли к одному поэтическому направлению. Однако же в стихах Мэн Цзяо действительно превалирует тема бедский и страданий; Юань Хао-вэнь (元好問 1190—1258) называл его даже *ши цю*, «стихотворный сиделец». До наших дней дошло собрание стихотворений Мэн Цзяо в 10 цзюанях.

Цзя Дао (賈島 779—843) — тоже известный танский поэт. Вырос с бедности. В юные годы постригся в буддийские монахи, приняв имя У-бэнь 無本 (по другой версии он постригся в буддийские монахи после неудачи на экзаменах), однако потом вернулся в мир, в 810 г. прибыл в Лоян, где свел знакомство со многими знаменитостями, в том числе с Хань Юем. После этого Цзя Дао наезжал в Лоян и Чанъань неоднократно; не раз пытался сдать экзамены на цзиньши, например, в 822 г.; в 837 г. наконец получил должность уездного секретаря и в связи с этим отбросил мысли о степени цзиньши — эта степень была пожалована ему посмертно, в 900 г., по представлению поэта Вэй Чжуана (韋庄 836?—910). Испытал весьма сильное влияние поэтического стиля Хань Юя и Мэн Цзяо, особенно последнего; потому их обычно объединяют, называя «Мэн-Цзя». И он, и Мэн Цзяо не достигли в жизни исполнения желаний, потому в их стихах и господствует тема страданий, лишений и неудовлетворенности жизнью; личные жизненные невзгоды, сострадание бедам близких и друзей — вот характерные темы стихов этого поэта. До наших дней дошло собрание его сочинений в 10 цзюанях.

(12) На закате правления танской династии поэты уже не обращались к вольному, раскованному стилю Ли и Ду, хотя дух их стихов был все еще высок. Например, Чжоу Пу — его произведения отличаются особой грустью, и в каждом есть достойное место. Его стихи были так искусно отшлифованы, что современники превозносили их. Говорили: «Месяцами ковал, годами отделявал, но собрания составить не успел, и [стихи] передавались изустно». Велика была слава Пу в то время, а ныне его стихи вовсе неизвестны. В юности я держал в руках сборник его произведений. Помню оттуда такие прекрасные строки:

Ветер теплый птиц щебетанье несет.
Солнце высокое под цветы глубокую тень бросает.

И еще:

Рассвет пришел — в горах загомонили птицы.
Дождь прошел — цветы абрикоса раскрылись.

Примеч. Ли и Ду — великие танские поэты Ли Бо и Ду Фу.

Чжоу Пу (周朴 ?—878/879) — танский поэт. Вырос в бедности. Не имел склонности к службе и когда высокопоставленные друзья-поэты предлагали ему должность, с благодарностью такие предложения отвергал. Как и Мэн Цзяо, жил в уединении на Суншани, где тесно общался с местными буддийскими монахами и обменивался с ними стихами. Расположение к монахам Чжоу сохранил и позднее — часто делал щедрые пожертвования буддийским монастырям.

Когда Хуан Чао пригласил Чжоу на службу, тот отвечал, что не может служить мятежнику. В гневе Хуан Чао велел его казнить. В поэзии его преобладают грустные и трагические мотивы. Многие его строки передавались современниками изустно. Стихотворения Чжоу Пу дошли до нас в составе крупных поэтических антологий (например, в «Цюань тан ши» есть цюань его стихов).

Собрания составить не успел. — Чжоу Пу действительно не успел свести свои стихи в сборник, и за него это сделал поэт Линь Сун (林崧 IX в.) уже после смерти Чжоу. Линь собрал более ста стихотворений и составил сборник в две цюани.

(13) Шэн-юй однажды сказал мне:

— Хоть в поэзии и очень важен смысл, но и подобрать слова — очень трудно. Коли мысль свежа, владение словом отменно и пишешь о том, чего у предшественников еще не было, — это прекрасно. Нужно уметь так передать трудный для описания пейзаж, чтобы он словно стоял перед глазами, а не исчерпанные до конца мысли — стояли за пределами смысла слов. Только так достигнешь совершенства. Вот у Цзя Дао есть такие строчки:

В бамбуковую корзину горные фрукты собрал.
Глиняную бутылку наполнил водой ключевойю.

У Яо Хэ:

Лошадь вослед горным оленям умчалась.
Курица обрела приют среди диких птиц.

Это — стихи о горных захолустных местах, и в них выражено тоскливое смятение чиновника. Но их нельзя сравнить [со строками]:

Уезд старинный, корни тополя видны из-под земли.
Чиновник благородный, ребра у коня торчат.

Я сказал:

— Искусство владения словом действительно таково. Но какое стихотворение будет из тех, что описывает трудный пейзаж, и из тех, где мысль не исчерпана словом?

— Поэт пишет сердцем, а читатель должен уметь понять смысл, ибо прямо высказать словами бывает так трудно! Но можно упомянуть о чем-то похожем. Вот у Янь Вэя:

Дамба в ивах, медлительны вешние воды.
Долина в цветах, спускается вечером солнце.

Четыре времени года, день и ночь, гармонично сменяющие друг друга: разве не встает все это перед глазами? А строки Вэнь Тин-юня:

Пегух кричит, над тростниковой хижинкой луна.
Следы людей, на досках моста иней.

Или строки Цзя Дао:

Странная птица криком оглашает степь пустую.
Заходящее солнце в путников испуг вселяет.

Тут речь о дорожных трудностях, о тоскливых думах путника. Но разве это не за пределом смысла слов?

Примеч. Яо Хэ (姚合 775—854?) — танский поэт, отличавшийся особым пристрастием к пейзажным стихам. Стал цзиньши в 816 г, службу начинал с поста уездного секретаря. В 820 г. был назначен в аппарат цзедуши Вэйбо. Занимал много разных провинциальных должностей, самыми высокими из которых были должности начальника области. Служил и при дворе: был ланчжуном в Департаменте наказаний, занимал должность в цензурате (836). После 839 г. отказался от службы. Обменивался стихами с Бо Цзюй-и, Чжан Цзи (張繼 725?—780), Лю Юй-си, был дружен с Цзя Дао; его стихотворения по стилю напоминают творения Цзя Дао, поэтому в китайской традиции принято об этих двух поэтах говорить вместе — «Яо и Цзя». Строки Яо Хэ получили известность, когда он служил уездным секретарем в Угуне, оттого-то его еще и называют «угунский Яо» 姚武功. До наших дней дошло собрание его стихотворений в 10 цюанях.

Уезд старинный... — Эти строки принадлежат Ду Фу. В старом Китае перед зданием уездного управления имели обыкновение сажать несколько тополей, и торчащие из-под земли корни говорят о том, что тополям этим уже много лет, а прискорбное состояние чиновничьей лошади — о стесненном материальном положении ее хозяина, не думающего о личном достатке, но обеспокоенного лишь исполнением долга, и потому «благородного».

Янь Вэй (嚴維 ?—780/781?) — не слишком знаменитый танский поэт, пожалуй, наиболее известны именно эти его строки. Цзиньши стал в 757 г., но, поскольку был беден и не мог покинуть старых родителей, до средних лет проходил на мелких провинциальных должностях. Лишь в 777 г. ему удалось занять должность в аппарате управителя Хэнани, а последней должностью Янь Вэй стал пост *мишулана* (императорского библиотекаря). Стихи его пользовались определенной популярностью среди современников, одно время Янь Вэй считался даже одним из самых известных поэтов в землях расположенных к югу от Янцзы. До наших дней дошло собрание его стихов в двух цюанях.

(14) Шэн-юй и Цзы-мэй стали одинаково знамениты в одно и то же время, а стиль их стихов совершенно различен. Цзы-мэй писал энергично, мощно, поражая небывалой свободой; Шэн-юй писал утонченно, долго обдумывая, вкладывая вкус праздной отвлеченной простоты. Оба они дос-

тигли наивысшего мастерства, так что самые искусные спорщики не могли доказать, кто из них лучше, а кто — хуже.

Однажды я написал про них стихотворение «Ночью еду через Шуйгу»:

Решителен духом Цзы-мэй.
Он — словно вихрь из пор земли.
Как в винной лавке волю чувствам даст —
Тушь винная тогда течет рекою.
Сродни тысячеверстому он скакуну —
Коль вырвался, уже не остановишь.
Его стихи — все драгоценный жемчуг,
И трудно что-то больше предпочесть.
Мэй-вэн в делах суров и чист —
Как ледяной поток, струящийся с камней.
Он тридцать лет слагал стихи —
Когда еще я юношею был.
Его стихи свежи и тонки,
Он пишет мудростию сердца.
И рядом с девою прелестною из Шао,
Немолодой, он держится достойно.
Его четверостишья к древности стремятся,
Исполнены страдания и тоски.
Совсем как будто ешь оливки:
Уж проглотил, а аромат не исчезает долго.
Су отличался рвущимся на волю духом,
Поклонников в смятенье приводящим.
Души глубины Мэя знал лишь я один:
Товар то древний, ныне и не сыщешь.

Выражения тут далеки от совершенства, и я, что называется, грубыми сравнениями пытался передать суть. Но определить, кто из них лучше, а кто — хуже, конечно, тоже не смог.

Примеч. Цзы-мэй — известный сунский поэт Су Шунь-цин (蘇舜欽 1008—1048), второе имя которого было Цзы-мэй 子美. Родился в Кайфэне, хотя род его происходил из Сычуани. Первый свой пост получил без экзаменов, пользуясь правом «тени» за заслуги отца, однако же в 1035 г. выдержал экзамены на степень цзиньши и несколько лет послужив начальником уездов, в 1040 г. был назначен на должность в столичном управлении наказаний. В 1044 г. за серьезную провинность был лишен всех постов и привелегий и вплоть до 1048 г. жил на положении простого человека. Получив же в 1048 г. должность начальника области, так и не успев в нее вступить: умер сорока лет отроду. «Су Шунь-цин был убежден в высоком назначении литературы передавать настроения народа и выражать душевное состояние автора, его нравственные черты и идеалы» (Серебряков Е. А. Китайская поэзия X—XI веков. С. 142), он отвергал модное поэтическое направление «сикунь», черпая вдохновение в творчестве авторов золотой китайской древности. Ниже в стихах Су Шунь-цин назван Мэй-вэн-ом 美翁. Оуян Сю в предисловии к собранию его сочинений писал, что когда он сдавал экзамен на цзиньши, среди однокашников его лишь Су Шунь-цин и его старший брат Су Шунь-юань (蘇舜元 1006—1054) ориентировались на строгую прозу прошлого, а не на современное им бездумное начетничество, за что и подвергались постоянным насмешкам окружающих, оставаясь однако же верны избранному пути; Оуян Сю брал с Су Шунь-цина пример. СШ: 442.

«Ночью еду через Шуйгу». — Полное название стихотворения «Ночью, проезжая через Шуйгу, посылаю Цзы-мэю и Шэн-юю» 水谷夜行寄聖俞子美. Оуян Сю написал его в 1044 г., когда, будучи послан служить в Хэдун, по пути проезжал через Шуйгукоу (в северо-западной части совр. уезда Ваньсянь в Хэбэе). В настоящем фрагменте приведены последние две трети данного стихотворения.

Вихрь из пор земли — намек на следующий пассаж из Чжуан-цзы (369—286 до н. э.): «То, что выдыхает земля, — именуется ветром, и ветер этот враз, с пугающим завыванием вырывается из бесчисленных пор земли» (Чжуан-цзы ши и. Т. 1. С. 23). То есть Оуян Сю сравнивает характер Су Шунь-цина с мощным вихрем.

Тушь винная... — т. е. среди дружеского застолья, разгоряченный вином и задушевной беседой, Су требует себе бумагу и кисть, в порыве вдохновения начинает писать стихи и готов продолжать и продолжать.

Тысячеверстый скакун — легендарный конь, способный пробежать без усталости расстояние в тысячу ли (т. е. около 500 км). По преданию, подобный конь внешне ничем не отличался от прочих, и распознать его мог лишь великий знаток лошадей Бо-лэ (см.: Чжуан-цзы ши и. Гл. «Конское копыто»). В поэзии «тысячеверстый скакун» часто использовался как символ рвущейся на свободу безудержной энергии и силы.

Шао — местность на территории совр. пров. Гуандун. Славилась своими красавицами.

(15) В то время, когда покойный господин Люй Вэнь-му еще не сдал экзамены, однажды он проезжал через уезд, в который как раз тогда же прибыл Ху Дань вместе с отцом, назначенным туда начальником. Повстречав Люя, Ху [приветствовал его] очень холодно. Какой-то прохожий стал хвалить Люя, говоря: «Господин Люй превосходный поэт, вам следует быть [с ним] более вежливым!» Тогда Ху попросил его привести в пример какую-нибудь строку [из стихов Люя], и прохожий продекламировал: «До предела поднял фитиль у лампы, сон не идет». «Ну и любитель же поспать этот парень!» — стал смеяться Ху. Услышав это, Люй страшно обиделся и поспешил прочь.

На другой год он возглавил список выдержавших экзамен и послал человека к Ху с такими словами: «Любитель поспать стал чжуаньюанем». Ху велел ответить: «Погодите, сударь, в буду-

шем году я сдам экзамен вторым и заглажу поражение!» И действительно, на следующий год в списке выдержавших экзамены имя Ху было в числе первых.

Примеч. Люй Вэнь-му — сунский вельможа Люй Мэн-чжэн (呂蒙正 946—1011), второе имя которого было Шэн-гун 聖功, а посмертное имя — Вэнь-му 文穆. Экзамен на степень цзиньши сдал в 977 г.

Ху Даянь (胡旦 втор. пол. X—нач. XI в.) — сунский чиновник и литератор, славившийся обширными познаниями и изяществом литературного слога. В 978 г. действительно блестяще выдержал экзамен, в списке был первым и удостоился звания чжуаньюаня. Службу начинал в провинциях, был тунпанем, потом получил назначение в придворную историческую палату заниматься подготовкой хроник царствований. Несмотря на таланты, неоднократно подвергался опале — за слишком смелые, радикальные и бескомпромиссные доклады трону, вызывавшие гнев двора. Последней должностью Ху Даяня стал пост императорского секретаря. Умер он восьмидесяти лет от роду. СШ: 432.

(16) Шэн-юй однажды заметил: «Хоть смысл стихотворной строки и очевиден, но беда, коли найдутся люди, которые назовут стиль вульгарным или смешным. Вот, к примеру, в стихотворении "Преподношу рыбаку" говорится:

Не видишь больше суетных придворных дел,
А слышишь только ветра вой и плеск воды.

А кто-то сказал: "Написано так, будто болят почки или печень!" Или в стихотворении "Декламирую стихи" сказано:

Целый день искал и не нашел,
Как вдруг — сама назад вернулась!

Трудно найти другие столь же удачные строки, но ведь говорят: "Да это стихи какого-то ребенка, потерявшего кошку!" И все смеются!»

(17) У Ван Цзяня в «Дворцовых стихах» — всего их сто — многие строки часто [говорят] о том, что было в запретном городе и записей о чем нет ни в исторических сочинениях, ни в сяшо. Например:

Во дворцах уже несколько дней царит тишина.
Это просто достали картину Тэн-вана «Бабочки».

Тэн-вана звали Юань-ин, это сын Гао-цзу. В обеих танских историях о его способностях не сказано ни слова, и лишь в «Записях о прославленных картинах» мельком упоминается о том, что [Тэн-ван] был прекрасный рисовальщик, но и здесь не говорится о его умении изображать бабочек. И только в «Обрывках картин» записано: «Искусен в рисовании бабочек». А еще — в стихотворении Цзяня. Больше нигде. Еще говорят, что и поныне в некоторых домах хранятся его картины.

О живших при Тан людях, отменно владевших каким-то искусством, — например, о Гунсунь Да-нян, танцевавшей с мечом, о Цао Гане, игравшем на пипа, о том, как пела Ми Цзя-жун, — мы узнаем из строк танских мудрецов. Благодаря им слава об этих людях дошла до последующих поколений. В то время благородные мужи цзюньцзы скрывали свою добродетель от мира в горах и полях, и современники мало знали о них. А место их заняли недобросовестные, не овладевшие еще мастерством люди, примазались к славе. Да, у каждого своя судьба!

Примеч. Ван Цзянь (王建 766?—?) — танский поэт. Его юность прошла неподалеку от танской столицы, г. Чаньани. Известно, что до 783 г. он учился в Синчжоу (в совр. пров. Хэбэй), где свел знакомство с поэтом Чжан Цзи, оказавшем на Ван Цзяня большое влияние — в частности, в сложении так называемых «народных песен» *юэфу*. По окончании обучения Ван Цзянь направился в Чаньань в поисках славы, однако же тогда успеха не снискал и в огорчении от неудачи поселился в уединении в горах. Распространенное мнение о том, что в 775 г. Ван Цзянь успешно сдал экзамены на степень цзиньши, судя по всему, является ошибочным — на службу он впервые поступил около 800 г., служил на мелкой должности в аппарате цзедуши Ючжоу; после 803 г. Ван Цзянь служил у цзедуши Вэйбо, а в 814 г., благодаря протекции друзей, получил придворную должность седьмого класса. Видимо, именно к этому времени и следует относить первые написанные Ваном *гунши* (宮詩 «дворцовые стихи», хотя сам Ван писал в жанре *цы*), впоследствии положившие начало целому поэтическому стилю с таким же названием. С 817 г. Ван Цзянь стал служить при дворе — был мишуланом, *тайфусычэном* (помощник начальника Высочайших кладовых), *тайчансычэном* (помощником начальника Управления императорских жертвоприношений). В 828 г. Ван был выслан служить в провинции, где и умер. Ему принадлежит упоминающийся тут сборник «Дворцовые стихи» (宮詞 «Гун цы»), куда вошло сто стихотворений в жанре «цы».

Гао-цзу — танский император Ли Юань (李淵 566—635), храмовое имя Гао-цзу 高祖, на троне с 618 по 628 гг. У него было двадцать два сына, в том числе и Юань-ин 元嬰, носивший титул Тэн-вана 滕王. Подробнее о Тэн-ване см.: Синь Тан шу, Т. 11, С. 35—60.

Обе танские истории — речь идет о «Цзю Тан шу» (舊唐書 «Старая история [династии] Тан»), составленной в 940—945 гг., и «Синь Тан шу» (新唐書 «Новая история [династии] Тан»), работой над которой руководил Оуян Сю.

«Записи о прославленных картинах» 名畫記 — сочинение танского автора Чжан Янь-юаня 張彥遠, представляющее собой что-то вроде аннотированного каталога картин с глубокой древности и по годы под девизом правления Хуэй-чан (841—846).

Гунсунь Да-нян... Цао Ган... Ми Цзя-жун... — Оуян Сю говорит о стихотворении Ду Фу «Наблюдаю, как ученица Гунсунь Да-нян танцует танец с мечами» 觀公孫大娘弟子舞劍器行 и стихотворении Бо Цзюй-и «Слу-

шаю, как Цао Ган играет на лютне пипа» 聞曹剛彈琵琶. Про Гунсунь Да-нян 公孫大娘 известно, что это была певичка, жившая при Тан, в годы под девизом правления Кай-юань (713—741), а Цао Ган 曹剛(綱) был представитель танского рода Цао, славившегося превосходной игрой на пипа (другие: Цао Бао 曹保, жил при Дэ-цзуне, что был на троне 780—804, и его сын Цао Шань-цай 曹善才; Цао Ган же был внук Цао Бао). Ми Цзя-жун 米嘉榮 — певичка, жившая при Тан, в годы под девизом правления Чан-цин (821—824), о ней упоминается в стихах танского поэта Лю Юй-си.

(18) У Ли Бо в стихотворении «Подшучиваю над Ду Фу» говорится:

Я спросил, что после разлуки нашей вас до такого истощения довело?
Это все — от мучений, которые сложенье стихов причиняет?

«Тай шоу шэн» 太瘦生, «такой истощенный» — это выражение танского времени. Но и сейчас еще используют это *шэн* как вспомогательную часть слова, вроде *цзо ма шэн* 作麼生, «каким образом?», *хэ сы шэн* 何似生, «на что похоже?»

Шаншу Тао Гу принадлежат такие строки:

В шляпе с острым верхом — самый последний из простолюдинов.
В сапогах с голенищем коротким — *моцзюэ* среди солдат.

Моцзюэ 末厥 — тоже выражение танского времени. Эту строку я слышал в годы под девизами правления Тянь-шэн и Цзин-ю, и хотя со дня кончины господина Гу минуло не так много лет, никто не мог объяснить, в чем смысл этого выражения. Даже Ван Юань-шу, человек обширнейших познаний и глубочайшей эрудиции, пользующийся громкой славой и особо отличающийся знанием речений предшественников, — и тот сказал, что не знает, что подобное выражение означает. И я записал его, ведь наверняка найдется тот, кто поймет.

Примеч. «Подшучиваю над Ду Фу». — В переводе А. Гитовича это стихотворение Ли Бо звучит так:

На вершине горы,
Где зеленые высятся ели,
В знойный солнечный полдень
Случайно я встретил Ду Фу.
Разрешите спросить:
— Почему вы, мой друг, похудели —
Неужели так трудно
Слагать за строкою строку?

(Поэзия эпохи Тан. С. 130)

Тао Гу (陶穀 903—970) — служил на довольно высоких постах еще в период Пяти Династий (907—979) при дворах разных царств. При сунской династии был назначен в академию Ханьлин и дослужился до начальника Департамента налогов (*шаншу*). Славился обширнейшими познаниями по самым разным вопросам.

Моцзюэ 末厥. — Интересно, что это выражение дошло до нас только благодаря Оуян Сю, который записал его, надеясь, что «наверняка найдется тот, кто поймет». Словарь «Цы юань» предлагает три варианта толкования этого выражения: 1) низкий, в смысле худородный, поскольку в сунское время облезлых собак называли *могоу* 末狗. Отсюда презрительное *мо* распространилось и на простолюдинов, носящих короткое платье; 2) строптивый. В просторечии тогда уже существовало выражение *мумо* 木末, где *му* — дерево: нестигаемый, упрямый, как дерево; 3) наконец, просто короткий. Таким образом, по аналогии с первой строкой, где сказано о последнем из простолюдинов, можно предположить, что и *моцзюэ* следует понимать в таком же уничижительном смысле и переводить все словосочетание как, например, «наираспоследнейший из солдат».

Годы Тянь-шэн и Цзин-ю — 1023—1037.

Ван Юань-шу — то есть сунский сановник, историк и эрудит Ван Чжу (王洙 997—1057), второе имя которого было Юань-шу 原叔. Острый ум и превосходящие сверстников способности проявил в очень раннем возрасте. Экзамен на степень цзиньши сдал сравнительно рано, в 1024 г. и стал служить — сначала в провинциях, а потом был замечен и представлен ко двору; получил должность преподавателя в одном из столичных учебных заведений, но вскоре попал в опалу и несколько лет провел на должности начальника разных областей. Вернувшись ко двору, стал чжичжигао, а в 1054 г. — и членом придворной академии Ханьлиньюань, но через три года умер. Славился широчайшим кругозором и обширнейшими знаниями, был сведущ буквально во всем — от истории и каллиграфии до математики и астрономии. Отредактировал многие исторические сочинения, особенно хорошо знал «И цзин». СШ: 294.

(19) Бывает, что поэты в стремлении сложить удачную строку, пренебрегают смыслом слов — тоже, как говорится, болезнь языка. Вот, к примеру:

Вы с рассветом ушли, с черновиком увещеваний в рукаве,
А с пира вернулись с цветком дворцовым на шапке!

Нельзя не признать изящества строк, но когда на аудиенции императору, что называется, указывают на ошибки, то непременно подается доклад, а «черновик увещевания» подавать не принято.

Или у танского поэта:

В полночь до путника в лодке звук колокола долетел,
Что бьет в храме Ханьшаньсы за стеною Гусу.

Про такое говорят: да, красивая строка, да только в третью стражу в колокол не бьют. А у Цзя Дао в стихотворении «Оплакиваю монаха» сказано:

Остался лишь образ [служителя Будды].

Сожгли предающееся созерцанию тело!

Совсем смешно: будто в то время буддийских монахов сжигали заживо!

Но вот:

Шагаю вослед за тенью синих гор.
Упражняюсь в созерцании у руин белой пагоды.

Или:

Одиноко гуляю в глубокой тени у пруда.
Немного передохнул у дерева на берегу.

И это все стихи Цзя. Ну и как тут развести грубое и тонкое?

Примеч. «Вы с рассветом ушли...» — строки из стихотворения сунского поэта Ван Цао (王操 XI в.) «Преподношу министру Ли Фану» 贈相國李昉. Речь тут идет о блестяще сделанном докладе государю, за который чиновник пожалован дарами и повышением по службе. Автор из-за стремления к соблюдению параллелизма пренебрег смыслом и вставил «черновик увещевания» (諫草 *цзянь цао*) в пару к «дворцовому цветку на шапке» (宮華 *гун хуа*), что и отметил Оуян Сю.

«В полночь до путника...» — из стихотворения «К мосту Фэнцяо ночью причалил» 楓橋夜泊 танского поэта Чжан Цзи (張繼 725?—780), написанного в лодке, где поэт заночевал, проезжая мимо города Гусу (совр. Сучжоу), на северо-западе от которого расположен монастырь Ханьшань-цзы, связанный с именем знаменитого поэта, танского буддийского монаха-отшельника Ханьшань-цзы, в свое время жившего тут. Монастырь был основан при Лян (502—557) и неоднократно горел в ходе различных войн; нынешний Ханьшаньсы представляет собой капитальную цинскую реконструкцию, продолжавшуюся с 1896 по 1911 г. Упомянутый Чжан Цзи монастырский колокол тоже не сохранился, нынешний — также цинского времени.

В переводе Л. Н. Меньшикова стихотворение Чжан Цзи называется «Ночью причалил у моста кленов» и звучит так:

Месяц заходит, вороны кричат, в инее небо седое.
Грустен ночлег мой; огни рыбаков, клен над рекой предо мною.
В колокол бьют за стенами Гусу, там, где обитель Ханьшаня, —
Слышу и я в одиноком челне звон полуночной порою.
(Чистый поток. С. 144).

Интересно, что, по наблюдениям современного китайского исследователя Гань Цзю-шэна 甘久生, уже Е Мэн-дэ (葉夢得 1077—1148) в своем шихуа «Ши линь шихуа» (石林詩話 «Шихуа Ши-линя») заметил: «Господин [Оуян], верно, никогда не был в У, ведь ныне в узких буддийских горных храмах на самом-то деле в полночь бьют в колокол»; до нас дошли свидетельства и других китайских источников о том, что, действительно, именно в монастыре Ханьшаньсы в Гусу издавна отбивали в колокол не только полночь, но и все пять ночных страж (Гань Цзю-шэн. Цун Оуян Сюэ шиу таньци. С. 147).

«Остался лишь образ...» — Стихотворение это называется «Оплакиваю буддийского монаха Бо-яня» 哭柏岩和尚, и речь в нем идет о том, что после смерти Бо-яня, после того, как тело монаха было предано сожжению, остались лишь изображающие Бо-яня рисунки, тогда как само тело монаха было сожжено. Однако Цзя Дао выразился так, что можно понять, будто Бо-яня сожгли живьем, когда он сидел, предаваясь созерцанию.

(20) На Сунцзяне возвели новый мост — строение великолепное, исполненное прелести! Подобного ему раньше никогда не было. Су Цзы-мэй про этот мост в стихотворении «Новый мост при луне» написал так:

Из-за края облаков у струящихся вод показался круг золотой.
Над грядью реки крепким сном разноцветная радуга спит.

Говорили, что этот мост вовсе не столь уж прекрасен, как в этих стихах, и такой похвалы недостойн.

У Шунь-юаня, второе имя которого Цай-вэн, старшего брата Цзы-мэя, тоже в стихах много удачных строк, но в свете они распространены так мало! Парные строки, которые он и Цзы-мэй сложили в храме Цзыгэсы, вполне достойны Ханя и Мэна. Как жаль, что нет возможности достать все стихи [Шунь-юаня]!

Примеч. Сунцзян — старое название р. Усунцзян в пров. Цзянсу.

Шунь-юань — Су Шунь-юань (蘇舜元 1006—1054), старший брат Су Шунь-циня, помимо стихов был известен как каллиграф (он был мастером скорописи), но в славе с братом, конечно, сравниться не мог. СШ: 442, в приложении к биографии младшего брата.

Цзыгэсы — возможно, в виду имеется некий буддийский храм в горах Цзыгэшань (пров. Шэньси).

Хань и Мэн — великие танские поэты Хань Юй и Мэн Хао-жань (孟浩然 687—740).

(21) Сочинения покойного господина Янь Юань-сяня были первейшими в Поднебесной, но искуснее всего был Янь в сложении стихов, и молодые люди обильно цитировали их, а известные ученые-современники часто посещали дом Яня. Шэн-юй за свою жизнь написал великое множество стихов, но господин Янь любил только четыре его строки:

Замерзшие рыбы жмутся ко дну.
Белый сокол давно улетел уж прочь.

И:

В теплой воде мелководных рыбок так много.
В каплях росы свет лиловый лотоса ярче.

Однажды дома у Шэн-юя мне довелось видеть собственноручно написанное господином Янем письмо, где он трижды воздавал хвалу именно этим строчкам. Я удивился и спросил Шэн-юя, [в чем тут дело]. «Да, это вовсе не самое большое мое достижение, — отвечал Шэн-юй. — Видно, господин Янь нашел тут какой-то собственный смысл». Можно ли найти литератора — начиная с глубокой древности и доныне, — который не обладал бы своим личным восприятием? И понять человека тоже трудно.

(22) Ян Да-нянь, Цянь, Лю и еще несколько господ обменивались стихами, а когда появилось «Собрание Сикунь», современники стали наперебой использовать его, так что стихотворный стиль в одночасье переменялся. Наставники старшего поколения очень переживали, что многие из использованных в этих стихах историй трудно понять из-за редких иероглифов. На самом деле причина — в недостатке учености.

Вот у Цзы-и в «Молодой цикаде» сказано:

Ветер примчался к стрехе из нефрита, птицы кружатся.
Выпала на стебли роса золотая, еще спит журавль.

Хоть тут и подразумевается одна история, но разве это нанесло вред прелести строк?
Или еще:

Ивы у моста — как наполненные ветром паруса среди волн крутых.
Ударами в барабан напуганные, взлетели с берега морского чайки.

Здесь никакого сюжета нет, но разве не изящно? Ведь если стихи талантливы, ученость обширна, а в кисти, что называется, силы даже с избытком, то нет такого, о чем нельзя было бы написать. Это не те, кого раньше называли поэтами — усердствовавшие в писании о ветрах, тучах, травах и деревьях, кого ставил в тупик Сюй Дун!

Примеч. Янь Да-нянь, Цянь, Лю — т. е. Ян И, Лю Юнь и Цянь Вэй-янь, чьи стихи вошли в «Собрание Сикунь»; см. примеч. к фраг. № 9.

Цзы-и 子儀 — второе имя сунского поэта Ли Юня.

(23) Много в стихах говорится о древней столице Сило — о ее запущенных террасах, заброшенных прудах, по-прежнему хранящих следы далекого прошлого. Самыми выдающимися следует считать строки покойного господина Цянь Вэнь-си:

На фоне солнца — древние могилы. Колышется туман бескрайний.
Возвращается весна в сады пустые. Вода журчит-журчит.

Зал Люйетан, принадлежавший покойному господину Пэй Цзинь-гуну, находится к югу от моста Уцяо. В свое время этот зал стал собственностью семьи пуе Чжан Ци-сяня, и когда он ушел в отставку с поста министра, дни проводил здесь с гостями, за стихами и вином. Лучше всего об этом сказано в стихах гунбу Чжэн Вэнь-бао:

В теплой воде кряквы и чайки снуют, кормят своих птенцов.
В глубокой тени от персиков и слив у ручья дремлют цветы.

Говорили, что эти строки достойны Ван Вэя и Ду Фу. И хотя в стихах Цянь много удачных строк, никто в то время не мог написать ничего подобного сложенному Чжэном, да и в собрании стихов самого Чжэна мало найдется мест, идущих в сравнение с этим.

Примеч. Сило — старое название древней столицы г. Лоян.

Цянь Вэнь-си — посмертное имя сунского чиновника и поэта Цянь Вэй-яня (錢惟演 962—1034), второе имя которого — Вэнь-си 文僖.

Зал Люйетан — речь идет об обширном загородном поместье Уцяочжуан, принадлежавшем Пэй Ду (см. ниже). Поместье находилось недалеко от танской столицы г. Лояна (в южной части совр. уезда Лоянсянь, Хэнань), и на его территории был зал Люйетан. Здесь Пэй Ду поселился затворником, когда был вынужден покинуть службу из-за козней придворных евнухов; здесь же он устраивал регулярные поэтические пирушки со знаменитыми современниками и поэтами.

Пэй Цзинь-гун — танский сановник Пэй Ду (裴度 765—839), занимавший крупные посты при дворе и в провинции (например, был *цзедуши* — генерал-губернатором). Был пожалован титулом Цзиньго-гуна 晉國公.

Чжэн Вэнь-бао (鄭文寶 953—1013) — сунский поэт, первую свою должность получивший по праву наследования «тени» отца при дворе Южной Тан. Когда страна была объединена под властью дома Сун, стал студентом столичного училища и в 983 г. успешно сдал экзамены на степень цзиньши. Служил в основном на провинциальных постов и здесь сделал успешную карьеру (дошел до должности чжуаньюнши провинции). В 1008 г. был назначен в Военный департамент (*юаньвайланом*, внештатным сотрудником без должности, но с жалованием) и вскоре ушел в отставку, ос-

таток дней прожив на покое. Автор многих ставших популярными среди современников поэтических строк, прекрасный каллиграф (почерк *чжуань*), музыкант (играл на цине). СШ: 277.

(24) В Минь жил некто Се Бо-чу, второе имя Цзин-шань. В годы под девизами правления Тянь-шэн и Цзин-ю он снискал себе славу стихами. Когда меня перевели в Илин, Цзин-шань служил на посту *фацао* в Сюйчжоу. Он прислал мне стихи, изобиловавшие изящными выражениями. Например:

Халат чиновника большого зелен, как речная волна.
Литературный талант ученого мужа — узорная парча из Шу.

Я ответил:

Весенние думы полководца все перепутались, как облака.
Взяв темой стихов седые волосы, грустит об уходящей весне, —

ведь у Цзин-шаня была такая строчка:

Много пережито. Не стар я еще, но голова бела.
Весна приходит, в мыслях хаос — как перепутанные облака, —

вот я и подшутил над ним.

Цзин-шань написал много стихов, и такие строки, как:

Сам посадил я желтые цветы, украсил ими степь.
Пересадил бамбук высокий и слышу в листьях шорох осени, —

или

Деревья в саду распускают листья, слива мэй открывает бутоны.
У озерного павильона, где нет никого, ласточки учатся летать, —

не уступают и танским мудрецам!

А вот на службе Се не повезло, всю жизнь он терпел лишения, так и умер. Ныне его стихи уже не встретишь в свете, да и род его исчез неизвестно где. Тридцать пять лет назад прислал он мне стихи, но я до сих пор помню их наизусть. Цзин-шаню не посчастливилось — можно посочувствовать, и жаль, что стихи его в забвении. Поэтому я записываю их здесь:

Река пряма как стрела — словно в ущелье Цюйтан.
В теснинах гор обезьяны кричат, наполняя сердце тоской.
Возможно разве в такую даль чиновника посылать!
Хоть годы пройдут, все вернется назад, но иней покроет виски.
Халат чиновника большого зелен, как речная волна.
Литературный талант ученого мужа — узорная парча из Шу.
Далекое окраине вы вкус к тонкой красоте привили,
Ищут с вами знакомства наперебой все жители этого края!
Талант ваш — подобен Мэн-дэ, все хлопоты из-за него.
А чувства — как у Ань-жэня, что писал о скорби по жене.
Но трудно на окраине сей смирить гостя Золотых коней.
И новые ваши стихи сборщицы бамбука передают.
Знарок канонов, стихов, составили вы исторический труд.
Черновики докладов трону — и те в собрание должно включить.
Кто знает, может, завтра уже другое назначение будет
И в водах Цанлана омоете ноги вы и кисти чиновничьей шапки!

Примеч. Минь — старое название совр. пров. Фуцзянь.

Се Бо-чу (謝伯初 XI в.) — сунский ученый и поэт, второе имя Цзин-шань 景山, в 1025 г. выдержал экзамен на степень цзиньши и действительно служил на должности *фацао* (судейский чиновник в областном управлении). Поддерживал дружеские отношения с Оуян Сю и, когда тот был в ссылке в Илине, регулярно посылал ему туда стихи. Оуян Сю в свою очередь написал предисловие к сборнику его стихотворений (оно вошло в собрание сочинений Оуян Сю). В поэзии Се Бо-чу в форме ориентировался на Ду Фу, а в содержании — на Хань Юя. До наших дней дошло всего два стихотворения Се.

Илин — уезд и уездный город в совр. пров. Хэбэй. Оуян Сю был послан управлять этим уездом в наказание за то, что поддерживал министра Фань Чжун-яня и способствовал проведению в жизнь задуманных им реформ. Фань Чжун-янь был отстранен от дел, а его единомышленники — сосланы служить в далекую провинцию.

Сюйчжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Хэнань.

Цюйтан — ущелье, в котором течет Янцзыцзян, в восточной части уезда Фэнцзесянь в Сычуани.

Халат чиновника большого зелен... — Незадолго до этого Оуян Сю был пожалован должностью седьмого ранга, а таким чиновникам полагалось при дворе носить платье зеленого цвета.

Мэн-дэ 夢得 — второе имя танского поэта Лю Юй-си (劉禹錫 772—842). Карьера его знала падения и взлеты, Мэн-дэ неоднократно посылал служить в провинцию, причиной чему часто становились его бескомпромиссная прямота и стремление к справедливости. Тема изгнанника, отвергнутого двором и незаслуженно пострадавшего, стала одной из центральных в творчестве Лю Юй-си. Се Бо-чу намекает, по-видимому, на то, что и Оуян Сю пострадал из-за своей

прямоты, попав в опалу. Что соответствует действительности: достаточно вспомнить осуждающее письмо, которое Оуян Сю направил на имя цензора Гао Жо-на, послужившее формальным поводом для перевода литератора в Илин.

Ань-жэнь 安仁 — второе имя поэта Пань Юэ (潘岳 247—300). С юности отличался острым умом. Особой популярностью пользуется написанный им цикл из трех стихов «Скорблю об умершей жене». Се Бо-чу, с одной стороны, хочет сказать, что по своему восприятию мира Оуян Сю был близок к Пань Юэ, отличавшемуся угонченностью чувств, а с другой — возможно, намекает на горе, постигшее Оуян Сю в 1035 г., когда умерла его вторая жена, дочь Ян Да-я (楊大雅 965—1033).

Золотые кони. — Ханьский император У-ди (на троне 140—89 до н. э.) установил у ворот своего дворца золотую статую любимого коня, отсюда и пошло иносказание об императорском дворце.

И новые ваши стихи... — Намек на стихотворный цикл «Бамбуковая ветвь», принадлежащий кисти Лю Юй-си и написанный им в изгнании. Эти стихи были сложены в подражание народным песням.

Исторический труд — т. е. «Новая история [династии] Тан».

В собрании должно включить... — Речь о собрании сочинений Оуян Сю.

Цанлан — старое название р. Ханьшуй (приток Янцзы, впадающий в нее около г. Ухань). Намек на строку Цюй Юаня (屈原 340?—289? до н. э.) «Отец-рыбак», где сказано: «Если воды Цанлана будут чисты, я омою в них кисти от шапки. Если воды Цанлана будут мутны, я омою в них ноги».

(25) С юных лет Ши Мань-цин находил удовольствие в вольном стремлении к стихам и вину. Ши обладал весьма величественной внешностью, а в стихах его встречается необычный размер. Еще Ши был искусный каллиграф. Манера писать у него была энергичная, а сам стиль схож со стилем Яня и Лю. Написанное его рукой ценится в свете наравне с драгоценностями.

Однажды я достал бумагу, изготовленную в зале Дэньсиньтан южнотанского Хоу-чжу, и Мань-цин по моей просьбе написал на ней свое стихотворение «Почтовая станция в Чоуби». Всю жизнь Мань-цин отдал стихам, и я храню это произведение поныне. Называю его — «третье непревзойденное». Настоящее сокровище моего дома.

После того, как Мань-цин умер, один его земляк рассказывал, что видел Ши во сне, и тот сказал, что сделался святым, управляет городом Фужунчэн. [Во сне] Мань-цин звал земляка с собой, но тот не согласился, тогда рассерженный Мань-цин вскочил на мула и умчался как вихрь. Потом еще говорили, что Мань-цин появился в доме некоего кандидата на провинциальные экзамены и тоже звал его с собой. Кандидат не пошел, и тогда Мань-цин оставил ему стихотворение. Я приведу здесь две строки:

Не смолкает иволги крик, уходит весенний блеск.

Вслед за солнцем растет тень от цветов, ползет по земле.

Удивительные дела святых знать не дано, но это стихотворение в точности такое же, как писал Мань-цин при жизни. Кандидат же ничего не понял.

Примеч. Янь и Лю — два прославленных каллиграфа танского времени Янь Чжэнь-цин (顏真卿 709—785) и Лю Гун-цзоань (劉公權 778—865). Янь был известный вельможа, военачальник и эрудит, особенно преуспевший в архаических почерках. Лю также занимал ряд высоких постов, в том числе был наставником наследника престола. Начав с подражаний Янь Чжэнь-цину, он постепенно выработал собственный каллиграфический стиль. Современники почитали за честь просить Яня и Лю сделать мемориальную запись на стеле, устанавливаемой на могиле родителей. Оба оказали большое влияние на развитие каллиграфии как в Китае, так и за его пределами.

Хоу-чжу — Ли Юй, южнотанский император.

Фужунчэн — легендарный город, где обитают бессмертные.

(26) В оде «Радужные одежды» Ван Цзяня сказано:

Слышал звук ветра, слышал плеск вод — сложил «Радужные одежды».

Мелодию «Радужные одежды» сегодня еще могут наиграть в придворном музыкальном классе, а умение танцевать под нее утрачено, не передается. Известны еще две мелодии — «Гляжу на далекий Инчжоу» и «Дарю созвучия бессмертных», говорят, что это то, что осталось от «Радужных одежд».

В былые времена записи историй и преданий делались весьма подробно, но вот что значит «слышал звук ветра, слышал плеск вод» — неизвестно. У Бо Лэ-тяня есть очень подробная «Песнь о радужных одеждах», но там ничего не сказано о ветре и водах. Записываю это. Может, найдется тот, кто знает, в чем тут дело.

Примеч. «Радужные одежды» — сокращенное название мелодии и танца «Радужные одежды и наряд из перьев» (Л. З. Эйлин предложил вариант «Из радуги яркий наряд, из сверкающих перьев убор»). Такое название мелодия получила в 754 г. Известно, что под нее прекрасно танцевала любимая наложница императора Сюань-цзуна (玄宗 на троне 712—755) Ян гуйфэй. После восстаний Ань Лу-шаня и Ши Чао-и (продолжавшихся с 755 по 763 гг.) выяснилось, что в военных беспорядках мелодия оказалась частично забыта.

Бо Лэ-тянь — Бо Цзюй-и.

(27) Чжао Ши-минь, сюэши из Лунту, снискал громкую славу обширными познаниями и тем, что был последовательным конфуцианцем. Скромный, обстоятельный, строгий и немногословный

— домашние до последних дней считали Чжао чуть ли не немым. Не только изящная проза, но и стихи его славятся изысканностью мысли. Например:

В пшеничном поле воздух влажен на рассвете.
В час «у» в тени тополей прохладно так!

Никто из выдающихся людей прошлого подобного не писал. Или:

На рассвете за лесом иволги перекликаются на тысячу ладов.
Цветы и травы у ступеней выросли на целый чи!

Прежде таких, как он, не было.

Примеч. Чжао Шинь (趙師民 перв. пол. XI в.) — сунский чиновник и литератор. Уже в девять лет отменно владел литературным слогом. В 1030 г. успешно выдержал экзамен на степень цзиньши. Начал службу с поста уездного секретаря, потом был туйгуанем, преподавателем в областном училище, а в пятидесятилетнем возрасте стал наставником в одном из столичных учебных заведений и сюэши в в палате Лунтугэ. Обладал широкими познаниями в классических текстах и среди современников слыл образцовым последователем учения Конфуция. До наших дней дошло всего одно его стихотворение. СШ: 294.

Ч а с «у» — с 11 до 13 часов.

(28) У Туй-чжи сила кисти была такова, что недоступного ему не существовало, но сам он ставил стихи ниже изящной прозы. Потому в его стихах и сказано:

Переживания лишь другу по вину я доверяю.
Стихи же слагаю в свободное время.

Так, подшучивая над самим собой, он давал повод и своим насмешникам, однако — описания чувств человеческих, будучи переведены им на язык стиха, тут же становились верхом словесного совершенства. [Туй-чжи —] большой мастер энергичного литературного слога, тут и говорить не о чем. Вот почему я восхищаюсь не меньше мастерским его владением рифмой. Ведь если Туй-чжи писал на обычные, широкие рифмы, то, что называется, бурные воды растекались широко, но он обращался к рифмам побочным, то возвращаясь, то удаляясь, то разъединяя, то смешивая, так что не мог соблюсти общепринятые нормы стихосложения. Стихотворение «Сегодня так тоскливо на душе» как раз такого рода.

А когда [Туй-чжи] писал на рифмы редкие, то уж, что называется, не выходил сбоку. Тут проявить мастерство гораздо сложнее, и чем труднее рифма, тем изящнее выходили стихи у Туй-чжи! «Больной, дарю Чжану Восемнадцатому» — как раз такого рода.

Однажды я беседовал [о стихах Туй-чжи] с Шэн-юем, тот сравнил его с наездником, прекрасно умеющим править добрым скакуном. Легко нестись вскачь по полям туда и сюда, отпустив поводья. Но вот проехать среди [нагромождений] муравьиных куч в излучине реки, где надо замедляя, а где надо — убыстряя бег [скакуна], и ни в чем не ошибиться — вот это наивысшее искусство в Поднебесной! «В "Старой истории" про Туй-чжи сказано, что он человек крепкий как дерево, — со смехом сказал Шэн-юй. — Обычных рифм вполне достаточно, но он тем не менее искал, что называется, боковые выходы. Одни только редкие рифмы использовать трудно, но он тем не менее использовал. Не из-за этого ли своего упрямства?»

Все бывшие при этом рассмеялись.

Примеч. Туй-чжи — второе имя Хань Юя, который для Оуян Сю был образцом как политического деятеля, так и литератора.

«Сегодня так тоскливо на душе». — Это стихотворение полностью называется «Преподношу Чжан Цзи [стихи о том], как сегодня тоскливо на душе» 此日足可惜贈張籍. В нем Хань Юй зарифмовал 66 иероглифов, чтения которых в большинстве своем принадлежат к так называемым мужским рифмам второй группы ровного тона. Вообще же существует 170 иероглифов с чтениями, принадлежащими к этой группе (так называемые широкие или обычные рифмы), и простое вычисление показывает, что Хань Юй обошелся всего третьей возможных вариантов. При этом он использовал также и иероглифы, чьи чтения относятся к первой группе ровного тона (здесь это названо побочными рифмами), то есть нарушил общепринятые нормы, усложнив себе задачу.

«Больной, дарю Чжану Восемнадцатому» 病中贈張十八. — В этом стихотворении Хань Юй зарифмовал 22 иероглифа, чтение которых в традиционных китайских словарях рифм относится к третьей рифме первой группы ровного тона. Всего к ней принадлежит около 50 иероглифов, и сама рифма относится к редким. Хань Юй же использовал всего 22, сумев при этом и законы стихосложения соблюсти, и смысла слов не нарушить.

«Старая история» — «Старая история [династии] Тан».

(29) С тех пор, как на экзаменационном дворе стали отбирать людей по [искусству слагать] оды «фу», среди цзиньши никто не обращает внимания на стихи «ши» и некому стало сказать похвальное слово. Только вот во второй год Тянь-шэн на провинциальных экзаменах шаншу Сун Ци лучше всех написал стихотворение «Выбираю себе господина», и в нем были такие строки:

Гаснет заря средь отблесков за облаками.
Все умолкает навстречу медленной луне, —

которую знали наизусть все жители столицы. Кандидаты того времени прозвали господина Сун Цай-хоу (Сун «Выбираю господина»).

Примеч. Оды «фу» 賦 — стихотворения в прозе (ритмическая проза) разных размеров, с рифмовкой или без нее. Стихи «ши» 詩 — классические стихи, характеризующиеся строгим размером (как правило, пяти- или семи-сложные), непременной рифмовкой, частыми параллелизмами.

Второй год... Тянь-шэн — 1024.